И.В. Борисов, к.и.н., Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Первая русская революция выдвинула блестящие образцы журнальной сатиры на государственный режим, обличая и беспощадно высвечивая его самые темные стороны: бюрократизм, тупую военную силу, удивительную косность и беспросветное невежество русского обывателя, а также множество других отвратительных сторон жизни того периода.

Среди художников, работавших тогда во многих сатирических журналах в большом ходу были различные символические приемы, при помощи которых слегка прикрывалась, декорировалась основная мысль рисунка, что производило на зрителя сильное, трудно забываемое впечатление: «Понуждаемая условиями цензурного рабства ... [русская журналистика] открыла в приемах вынужденного иносказания такие возможности образного развития темы, такие «пояснительные черты и окраски», которые придали русской художественной сатире несравненный блеск, насыщенность и выразительность. Преодолевая с помощью эзопова языка внешние препятствия и преграды, русская сатира выполняла свою прямую функцию как могущественное оружие литературно-общественной мысли»[1]. В этих приемах художники довольно часто прибегали к помощи геральдики или геральдической атрибутики.

Впервые за много лет во всех слоях русского общества активно усилилась неприязнь к высшей монархической власти. Облик царя сильно потускнел. Значительную «помощь» в шаржировании его образа оказала геральдика. Именно ее средствами были сделаны две карикатуры на него, вошедшие в историю мировой политической карикатуры. Они были опубликованы в лучшем сатирическом журнале того времени под названием «Жупел». Объектом сатиры для начала стали императорские и государственные знаки и среди них главный - орел со скипетром и державой. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что еще в 50-х гг. прошлого века появился один из первых шаржей на русского орла (ил. 1)[2].

Ярким примером стал рисунок «Орел-оборотень» художника З.И. Гржебина[3] (ил. 2), зло трактовавший герб Российской империи. В этой карикатуре мы видим стилизованного двуглавого орла, к которому как будто бы нет претензий с точки зрения геральдики: на орлиных головах короны, горностаевая мантия с подбоем и т.д. Здесь просматриваются все элементы, которые должны быть на официальном гербе. Однако подпись настораживает: если это оборотень, то, следовательно, рисунок надо перевернуть. Что же видит зритель, когда гордый орел перевернут? Спину стоящего царя, высоко поднявшего мантию и представшего в жалком обнаженном виде. Слово «конституция» на мантии, заключенное в геральди-

ческий щит и совпадающее с известными частями царского тела показывает, чего она стоит. Недаром в те времена бытовала поговорка «о царском манифесте, годном только для известных мест».

В конфискованном номере журнала «Пулемет» за 1906 г. в статье под броским названием «Граждане, помогите Правительству»[4], посвященной годовщине январских событий, с каплями и размывами красной краски, имитирующей кровь, на журнальном листе мы читаем горькие, полные презрения и негодования слова, посвященные русскому правительству. Заставкой к этой статье является рисунок неизвестного художника, изображающий государственного орла с коронованной головой Витте (ил. 3). В лапах у орла скипетр и держава, на правом крыле голова министра внутренних дел Дурново[5].

Заслуживает внимания обложка журнала «Сатирикон» за 1909 год[6], на которой двуглавый орел воспарил над крышей Таврического дворца (ил. 4). Мощный орел изображен так, что он как бы защищает здание грудью. Об этом свидетельствует и надпись под рисунком: «правительство и государство неуклонно будет стоять на страже народного представительства, защищая Государственную думу от бессильного покушения черного вороньи». К сожалению, не совсем ясно, что подразумевается под этим «вороньем». Тем не менее этот рисунок можно трактовать и таким образом, что орел над Думой - ясный намек на вмешательство правительства, государственной власти в законодательный процесс.

Анализ многочисленных сатирических журналов времени Первой мировой войны показывает, что на патриотической волне не появилось каких-либо рисунков, с помощью государственного орла прославляющих победы русского оружия или наоборот, показывающих поражения русских. Напротив, было широко распространено изображение австрийского или немецкого орла. Он занимал, бесспорно, одно из ведущих мест среди набора сюжетов, высмеивавших противника (портреты Вильгельма, его союзников, немецких солдат в разных боевых ситуациях и пр.). Так, к примеру, благородные очертания немецкой государственной эмблемы под влиянием художественной трактовки В. Лебедева начинают трансформироваться: оперение превращается в острые сабли, с которых стекает кровь, в когтях появляются ружье и сабля, на груди щиток с изображением офицера в каске[7] (ил. 5).

Русский орел присутствует в несколько необычном рисунке, где на ветке дерева сидят двуглавый русский и одноглавый немецкий орлы (ил. 6). Шеи орлов стянуты одной веревкой. Принимая во внимание, что этот рисунок опубликован в довольно свободном журнале «Новый Сатирикон»[8] в разгар войны, можно предположить, что художник В. Лебедев, изобразивший этот сюжет, скорбил о судьбе двух достаточно добрососедских народов, втянутых в войну, но по разные ее стороны. Война как раз и представлена в виде веревки, стянувшей шеи этих двух государственных птиц.

Есть рисунок, на котором немецкого орла, парящего, как воздушный змей, держит на веревочке русский казак[9] (ил. 7). На другой карикатуре - на вспыхнувшую в Венгрии революцию[10] - австрийский орел о двух головах, ссорится сам с собой (ил. 8).

К 1914 г. на пороге Первой мировой войны ситуация меняется таким образом, что Россия начинает представляться художниками не двуглавым орлом, а медведем[11]. Именно это животное превращается в символ России, по крайней мере, на то время. Так, например, победы русского оружия, а также противостояние России и Германии представляются зрителю изображением русского медведя, сжимающего в объятиях некоего представителя немецкого царствующего дома, обвешанного с ног до головы орденами и крестами (ил. 9). Карикатура сопровождается текстом: «Есть-то я его могу... Одно неудобство: ордена часто приходится выплевывать!»[12].

Антанта и всевозможные соглашения на фоне тройственного союза также часто обозначались «звериной» темой: английский лев, французский петух, русский медведь (ил. 10)[13], английский лев и русский медведь (ил. 11)[14], умирающий русский медведь с весело пляшущим на нем Ульяновым (Лениным) и мрачным немецким орлом над ними[15] (ил. 12).

Карикатура называется «Верное средство» и содержит яркий намек на активное участие большевиков в поражении и выходе России из войны.

Тем не менее прошедшие со времени первой русской революции годы едва ли сильно (по крайней мере внешне) изменили отношение русского общества к своим государственным символам. Следует отметить также, что в год февральской революции и октябрьского переворота, т.е. во время наибольшей активности в шаржированной и карикатурной трактовке бывших государственных эмблем, государственный орел не был объектом прямых насмешек и издевательств. Он был лишь изобразительным, опознавательным средством. Его емкий образ позволял авторам находить некие новые формы - удачные или не очень, не затрагивая в целом его назначения как государственного символа.

Так, неудачные дела на фронте позволили Д. Моору, в 1917 г. штатному художнику журнала «Будильник», изобразить два военных корабля, из которых один (немецкий), уверенно идущий вперед, таранит тонущий (русский) с государственным орлом на флаге и бушприте[16] (ил. 13).

К таким примерам можно отнести и обложку журнала «Будильник» под названием «Разгрузка орла» (ил. 14)[17], где союзники России по войне с Германией срывают гербы губерний с крыльев орла. Смысл карикатуры в том, что союзники, заявляя о том, что мир не будет заключен за счет России, пытаются урвать некие русские территории. Несчастный орел, судя по подписи, думает уже не о том, чтобы прибить «Олегов щит к воротам Цареграда» во время этой войны, а чтобы спасти свои исконные земли.

Тем не менее тяжелая военная атмосфера, разлагающее влияние пропаганды различных партий и прежде всего большевистской, преступ-

ное бездействие часто меняющегося правительства, усталость и безволие царя привели к известным событиям 1917 г. О состоянии нашего общества в то время, о кровавом разгуле террора против любого гражданина страны, о каждом трагичном дне того несчастного и страшного времени хорошо сказал А. Бухов[18]: «Темноту китового желудка чувствую я кругом потому, что самый курс жизни, лицо ее - лицо злобы, кровавой гримасы и многообразной мести.

Выйдешь на улицу - напряженнейшее состояние, равного которому нет. Вот сейчас самосуд, сейчас стрельба, сейчас крики, свалка, паника - все возможно ежесекундно. Душа заболевает предчувствием ужаса... Нет передышки у этого предчувствия. Хоть бы праздничишко маленький кто объявил на один день...

Это же не борьба. Это же звериное царапанье в темноте. Кровь будет литься исподволь, непереставаемо - кровь уличная, квартирная, комнатная... И нет ей конца...

И растет, растет злоба, непримиримость, тупая безысходность...

- Вы, интеллигентские душонки, - кричат нам люди власти, - почему вы брюзжите... Сказалась, видно, буржуйная натура - народной власти испугались...

Ах, да нет. Хочется спросить только их - откуда они черпают свою бодрость, свою волю к жизни... Как еще они могут верить в возможность творческой работы, любви, горения и труда в наши дни, когда самый мирный декрет «на местах» перерабатывается в бойню и резню.

Ведь об этом же писать нельзя. Нужно иметь нечеловеческую силу изобразительности, чтобы передать то, какими слезами сейчас исходит душа от газет, от дневных выстрелов и злобы на лицах...»

Нравственный и моральный климат в стране поменялись таким образом, что русские были, наверное, единственными (или по крайней мере одними из немногих), кто объявил вне закона собственную эмблематику. Сначала государственный орел потерял свои атрибуты власти, а к концу года ему была объявлена беспощадная война. Он отовсюду изымался, зачеркивался, сбивался, замарывался. Объявив гонения на свергнутого царя и его семью новые правящие власти сделали «хитрый», беспрецедентный по своей аморальности ход, связав имя Романовых с государственной символикой. Таким образом, в сознании темного, малограмотного большинства населения России орел стал «царским». А раз он «царский» - его надо уничтожать, как все, что связано с царем, его фамилией и династией - таков примерно незамысловатый ход рассуждений, которые выстраивались в голове у многих в то время.

Сегодня в Санкт-Петербурге, городе, имеющем гораздо больше старинных домов, чем в Москве, до сих пор еще можно увидеть следы старой лепнины, изображавшей когда-то государственных орлов. На них утвердилась сейчас советская символика (звезды, знамена, серп и молот и пр.).

Пример - здание ГУВД Санкт-Петербурга на Захарьевской улице, дом 19.

Против царя, ставшего обычным гражданином и его семьи была объявлена тотальная пропагандистская война. Защитить их было некому - законы перестали действовать, людей, верных присяге и нравственным принципам, попросту убивали, что дало повод журналу «Новый Сатирикон» опубликовать в январе 1918 г. страшную картинку на обложке под названием «Новый головной убор русского офицера»[19] (ил. 15). Здесь на погонах русского офицера стоят, облокотившись на его голову, увенчанную терновым венком и с каплями крови на лбу, пьяный матрос с одной стороны и пьяный солдат с другой стороны. Получилось что-то вроде геральдической композиции. Так редакция откликнулась на многочисленные факты самосудов и убийств солдатами своих офицеров.

Безусловно, в такой атмосфере (отметим про себя - искусственно созданной) любая гадость и глупость - омерзительная, злобная, пошлая, но связанная со свергнутым царем, встречалась с восторгом. Аркадий Аверченко, вроде бы интеллигентный и воспитанный человек, еще недавно уважавший своего государя, теперь мог написать: «Я такой человек, что и царя нашего, Николая Александровича Романова, всероссийского самодержца, презираю и считаю его форменным ничтожеством».

Подводя некоторые итоги и осмысливая русскую сатиру этого периода, ее сюжеты, известный советский журналист Михаил Кольцов несколько позднее остроумно отмечал: «В бешеном хороводе закружились Николай, Алиса, Протопопов, Сухомлинов и в центре - главная фигура, лихорадочно вырытый из могилы Распутин... В нелепой, веселой сарабанде на костях «старого прижима» равно усердно плясали и великосветский «Сатирикон», и «Бич», и фельетонисты всех без различия пола и возраста российских газет, и откуда-то вынырнувшие неведомые заборные листки. Больше двух месяцев длился сперва веселый, потом унылый газетно-журнальный кавардак на бренных царских останках. Кроме поверженных царей и «фараонов» было пустовато. Явно грозило безтемье»[20].

С уходом в лету этих событий можно было бы предположить, что темы царя и орла сиюминутны, и после 1917 г. к ним не будут возвращаться. В общем, так и произошло - царя вспоминали лишь в контексте с какими-либо событиями, например, двадцатилетием первой русской революции, эмигрантской жизнью и особенно почему-то беспокоили советскую власть различные монархические события - съезды, выборы императора, претензии на престол и проч. Подавалось все это в прессе в жанре «жареного факта» - смотрите, мол, делать нечего, с жиру бесятся. Тем не менее хотелось бы подробнее остановиться на теме царя и его семьи. Необходимо, видимо, специально выделить ее как тему, которая нещадно эксплуатировалась в 1917 г., и после. Как уже отмечалось, в поле зрения различных карикатуристов фигура царя попала во время революции 1905 г. Пропагандистская волна вместе с неприятием массового насилия, каким отли-

чался этот год, сделали свое дело и современники получили в России и за рубежом целый ряд острых нелицеприятных, хотя талантливо и мастерски сделанных шаржированных портретов и рисунков Николая II. При этом отметим, что карикатуры на Николая II в зарубежье появляются еще раньше, с самого начала XX в.. Однако несмотря на свой острый характер они не имеют еще такой политизированной направленности. Николай II в то время персонаж, но не враг. После отречения царя все меняется. Образ царя становится товаром, такие же качества человека как совесть, доброта, сострадание, чувство меры в это время становятся химерой и все журналы наперебой предлагают читателю шаржированный до абсурда внешний вид человека, которому все торжественно поклонялись недавно. Все внешние признаки лица, бывшего императора, доведены до сверхгротеска, что вместе с хлесткими подписями создает иллюзию слабоумного человека (ил. 16)[21]. Такой трактовкой отличались все журналы - от «Сатирикона» до «Жупела». Наиболее удачной - в смысле раскрытия темы и образного решения - карикатурой на бывшего царя и символы государственной власти является, на наш взгляд, рисунок неизвестного художника, показывающий уходящего с чемоданом Николая II, свободной рукой ведущего на веревочке двуглавого орла. Надпись: «Посмотрим, как они обойдутся без орла» (ил. 17). Где впервые был опубликован этот рисунок, нам неизвестно.

В советское время, особенно в первое десятилетие, также появлялись жесткие шаржи образа царя, только теперь сюда включалась и семья Николая Александровича. Характерным примером этого может служить карикатура «Как это было»[22] (ил. 18) , где в верхней части страницы показаны под коронами царь с царицей и идущие друг за другом их дочери. Нижняя часть рисует демонстрантов и атрибуты государственности в костре. Текст такой: «Сначала / Торчало: / «И прочее, и прочее, и прочее / И многодочие / Потом пришли рабочие / И многоточие...» Вообще, надо отметить своеобразие советского юмора.

Несколько карикатур посвящены портретным изображениям царя и царицы - это «Натюрморт»[23] (ил. 19), «Вредители крестьянских полей»[24] (ил. 20) и «Февраль» художника В. Козлинского[25] в котором изображены силуэты Александры Федоровны и Николая Александровича на фоне Александровской колонны. Дмитрий Цензор написал такое подрисуночное стихотворение: «Порфиры, порванные в клочья, / Судьбой сметенные цари, / Что встали призраками ночи/ На фоне радостной зари...».

Художник М. Черемных нарисовал картинку (ил. 21)[26], где порыв ветра, сдувает трон с сидящим на нем царем, мантию, двуглавого орла. У основания трона какие-то люди с поднятыми вверх руками. Эта невнятная композиция называется «1905 год».

Особо хотелось бы выделить некоторую часть карикатур, посвященных жизни Романовых в эмиграции. Вообще тема эмиграции была весьма бла-

годатна для советских сатирических журналов. Всегда можно было вставить какую-нибудь карикатуру на тему жизни солдат Белой Армии, различных партий, бедственного положения русской аристократии, деятельности в сфере культуры или науки. Совершенно естественно, что особую ненависть вызывали потомки Романовых и еще большее озлобление деятельность, связанная с престолонаследием, с различными видами монархического движения за рубежом.

Создается впечатление, что даже сами слова «царь», «король», «князь» вызывали зубную боль в любом контексте. Вот перед нами рисунок А. Мельникова[27] (ил. 22), изображающий мантию с подбоем. Ее венчает двуглавый орел. На фоне раскрытой мантии текст псевдоманифеста, составляющий названия пьес с использованием монархических титулов: «Царь Федор Иоаннович», «Царская невеста», «Король Лир», «Принцесса Турандот» и проч. По замыслу автора юмор заключается в конце списка, где читаем «.. являем всем нашим верноподданным, что восьмой уж год мы царствуем спокойно и что в державе нашей октябрь еще не наступил».

Сама мысль, что за границей может возникнуть хотя бы намек на альтернативное руководство страной, не давала покоя. Задача состояла в том, чтобы как можно более унизительно отобразить претендентов. Великий Князь Кирилл именовался, конечно, Кирилкой. Он в мантии и короне изображался едущим на ассенизационной бочке, которую везут почему-то эсеры, а сзади толкают кадеты[28] (ил. 23). Великого Князя Николая Николаевича могли изобразить в виде дряхлого коня с вензелем на боку и надписью «Был конь, да изъездился»[29] (ил. 24) или бравым всадником на белом коне, въезжающим в Москву, с двуглавым орлом на попоне[30] (ил. 25). Но это оказывается очень страшно, потому что всадник почти апокалиптический, он несет с собой разрушенные церкви, погромы, насилия и убийства. Рисунок многозначительно называется : «Что было бы, если бы...».

И таких глупых «страшилок» довольно много. Соперничество ветвей семьи Романовых показывает двуглавого орла с ругающимися, повернутыми друг к другу злобными головами Николая Николаевича и Кирилла Владимировича[31] (ил. 26).

Журнал «Смехач» в 1927 г. на своих страницах «произвел выпуск» листка «Белая клюква» с пометкой «Издается за границей вообще, и за границей здравого смысла в частности» (ил. 27). Здесь в заставке дано карикатурное изображение двуглавого орла с обломанным жезлом и бутылкой вместо державы.

Пароксизм злобы советских сатириков вызвал Манифест, которым Кирилл Владимирович объявлялся императором. Тот же «Смехач» в «Белой клюкве» представил свой «текст» этого манифеста: «Мы, Николай Три Палки, Император и Самодержец Всепарижский, Царь Ниццкий и прочая и прочая»[32]. Здесь же напечатаны стишки некоего Дона Мармеладо «Самозванец Кириллка» следующего содержания: «Когда-то, в дни трагич-

ные/ Погибели судна,/ Как нечто неприличное/ Он наверх всплыл со дна./ Он дрянью той болтается/ И ныне, посмотри!/ Он даже лезть старается/ В «советские цари»[33].

Журнал «Военный Крокодил» тоже откликнулся на это событие. Художник Г. Клинч изобразил[34] (ил. 28) царский трон под двуглавым орлом. Трон изображен два раза. В первом рисунке на нем сидит негр, внизу надпись: «В Кремле, где царская палата золотая,/ И шелковым чехлом закрыт кровавый трон,/ Колониальный раб, на троне отдыхая,/ О классовой борьбе мечтает негр Люньон». На втором рисунке на том же троне сидит мерзкий старик с забинтованной ногой, бутылкой в руке и с ночным горшком на голове. На подлокотнике трона приютилась кошка. Надпись гласит: «В немецком Кобурге недавно коронован/ Подлейший отпрыск царского гнилья,/ И спьяну грезит он, мечтою очарован,/ Что он не Кобурге, а там, в стенах Кремля...»

В другой раз Кирилл Владимирович изображен[35] в котелке, на который надета корона, подмышкой трость, увенчанная двуглавым орлом (ил. 29). Карикатура называется «Последний из Романовых». Здесь же стихотворение «Родственные души», где читателю показаны персонажи заинтересованные в новом императоре. В далеком Берлине - это четыре графини, трое великих князей, представители с мест, которые «клянутся расплатой коварной отчизне своей», а в советской Москве - это «просвирня, дьячиха и даже какой-то зам». Гадкие рифмы заканчиваются словами о том, что даже мысль об императорстве нелепа и дика: «Мы едем к победе,/ Взнуздавши ретивый нэп/ И звуки веселых песен/ Заглушат заливчатый лай-/ Тех, кому интересен/ Кирилл или Николай». Все средства убогой фантазии, весь арсенал посредственных изобразительных средств были брошены на дискредитацию идей преемственности императорской власти.

Однако вернемся к государственному орлу. Есть несколько сатирических тем, связанных с орлом, которые хотелось бы выделить специально. Одна из них - это распродажа и ликвидация царского имущества, которое частично передавалось в организации на баланс, частично продавалось населению по бросовым ценам. К таким карикатурам относятся «Романовская история»[36] (ил. 30), «В хозяйстве все пригодится»[37] (ил. 31), «Халат-халат»[38] (ил. 32), стихотворный фельетон «Окончательный конец»[39] (ил. 33). Смысл фельетона в том, что цари уже не смогут вернуться - у них ничего не осталось, все продано: «Мундир царя... Ах, из того мундира/ Купив его за сотую цены,/ Семен Семеныч сшил себе штаны» или «Да, знаете ль, что этот фельетон/ Пишу я из чернильницы монаршей:/ Цветной хрусталь, граненые углы/ И всюду то корона, то орлы./ Нет, нет, теперь царям капут совсем!/ Как им назад, болезным, возвращаться -/ Когда за всем, решительно за всем,/ Придется к нам, плебеям, обращаться», - злорадно повествует автор.

Об отношении к этим вещам, как правило, предметам высокого искус-

ства, читателю говорят следующие строчки фельетона: «Ковры - подарки шахов и эмиров,/ Плоды трудов искусных мастеров.../ Приятель мой. Сережка Кашемиров/ Купил на днях штук пять таких ковров:/ Один прибил, другие бросил на пол -/ И стеарином варварски закапал!..»

Упомянутые карикатуры, как и приведенные выше фельетоны, сопровождались следующими пояснениями: «На распродаже царского имущества продано много платьев бывшей императрицы», «Главнаука приступила к распродаже бывшего царского имущества: платьев, мундиров, ливрей, ковров, посуды, белья и проч.» На них так или иначе присутствует государственный герб.

С 1923 по 1927 гг. появляется цикл карикатур, которые мы бы назвали доносными. Смысл их в том, что бдительные граждане «сигналят» в редакцию газеты или журнала, увидев случайно сохранившееся где-нибудь изображение орла. Заголовки таких журнальных материалов говорят сами за себя: «Снова орлы...»[40], «Давно пора»[41], «Монархия в Черкизове»[42], «Опять орлы»[43], «Ископаемое»[44], «Еще один орел»[45], «Вымирающие и вымершие животные»[46] (ил. 34-40) и т.д.

Появляются и стихотворения на эту тему. Например, стихотворение «Ну, и мыло ж!..»[47]. Смысл его в том, что некий советский гражданин к родному первомайскому празднику в Рабкоопе купил «душистого мыльца». В нетерпении на заре он будит жену, чтобы быстрее обновить покупку «в честь праздника рабочего». Наш герой «надел штаны, как водится.../ Да к тазу, да к мыльцу.../ Даешь, мол, парфюмерию/ Рабочему лицу./ Раскрыл обертку мыльную,/ Ах, в рот вам ,стервы, кол!/ На мыле - на советском-то!/ Двуглавый - глянь - орел!..» - с ужасом повествует нам автор. Далее идут долгие рассуждения о невозможности такого безобразия, и заканчивается «эпическое полотно» не менее изящными словами: «А мыло все ж двуглавое/ Не дело для Советов!../ Долой эмблему гнусную,/ Как всюду, так и тут!/ Гнилью двуглавоцарскому/ Вовек веков капут!..». Редакционная ремарка к опусу скромна и деловита: «На мыле московской фабрики «Новая Заря» до сих пор двуглавый орел... (Из писем рабкоров)».

Тем не менее такие стихотворные варианты - исключения, в основном же это прозаические материалы следующего порядка: «Пишет мне тов. Мазин: - По сие время на крыше б. Зимнего Дворца, а ныне пролетарского Дворца искусств все еще висит большой орел с короной. Неужели за пять лет нельзя было убрать эту растрепанную черную птицу? А ну-ка. Красный Ворон, слетай туда и сбрось ее вниз!»[48]. Здесь же прилагается небольшое стихотворение: «Эти пакостные птицы/ Загрязнили все углы.../ Из рабочей из столицы/ Прочь - двуглавые орлы!»

В заметке «Удивление Красного Ворона»[49] сообщается, что на фабрике одежды им. Домбаля, что на улице Желябова, «до сих пор главный вход и перила второго этажа украшены 8 орлами». По этому поводу также сочиняется нечто стихотворное: «Эй, завком, не понимаю -/ Что за притча?

Ведь не зря/ Разогнало хищных стаю/ Бурной плеткой Октября./ Как же - вот что нам не ясно -/ Уцелели от метлы/ В октябре «шестом» и «красном»/ Эти черные орлы?» (ил. 41).

Весьма показательна притча, рассказанная журналом «Красный Ворон»[50], о нескольких курящих парнишках, один из которых пишет в редакцию «насчет Ленинградтабтреста: «На седьмой год революции папиросы «Добрый молодец» выпускаются с двуглавым орлом на гильзе». Другой «курящий» парнишка сообщает о том, что «на восьмой год революции папиросы «Гражданские» выпускаются с орлами, с бывшей фирмой и с Петербургом». Редакционный вывод таков: «Наплюй, гражданин, на эту дрянь с орлом - кури махру. «Красный Ворон» завсегда махру курит и не расстраивается».

Последний пример такого рода под название «Крендель»[51] (ил. 42). Статья начинается так: «В Питере уже шесть лет снимают с домов всякую царскую ерунду и все снять не могут. То где-нибудь орел двуглавый обнаружится, то вензель, то корона великокняжеская... А вот против Общественного переулка, что в селе Смоленском - там такую штуку обнаружили ... Над входом в булочную висит бронзовый крендель, увенчанный огромной короной. И это в рабочем районе...». Заключение таково: «Крендель-то пущай висит, а корону снять нужно».

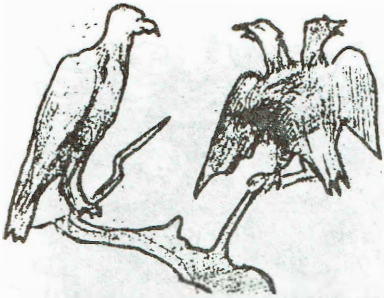
Современному исследователю становится не по себе от этой так называемой народной речи - от всех этих «пущай», «таперя», «курящих парнишек» и проч. Видимо, так, по мнению редакторов прошлого и должен был устанавливаться контакт и понимание с рабочим классом, от имени которого и сеялась со страниц советских сатирических журналов ненависть к русским эмблемам.

Подведем итог. До октябрьского переворота в карикатуре к русскому орлу относились с известной долей уважения, что характерно для мировоззрения значительной части Российской империи. Это уважение совсем исчезает в советское время. Примером может служить наиболее характерная карикатура[52] художников Кукрыниксов (ил. 43), которая изображает расколотого орла с оторванной головой. Карикатуру сопровождает текст: «Двуглавый орел, золоченый и ржавый,/ Всегда одинаково пышный и строгий,/ Как символ незыблемого самодержавия/ Висел над дверями аптек и острогов./ И многим казалось: орел двуглавый/ Напичкан по горло бессмертною славой./ И многие думали: лапы орловьи/ Никогда не сорвать с народного горла./ А на поверку совсем не славой,/ А дрянью полон жупел двуглавый./ И участь его - намек благородный/ Для всех геральдических птиц и животных».

Наш русский исторический орел наконец вернулся вновь. Другого и быть не могло. Но пройдет еще немало времени, прежде чем основная масса граждан России признает его государственной эмблемой. Слишком велики были завалы мрачной злобы и лести.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стихотворная сатира первой русской революции (1905-1907 гг.). Л., 1969. С. 19.
[2] Неопубликованные карикатуры «Искры» и «Гудка». М.-Л., 1939. С.38.
[3] Жупел. 1906. № 1, обложка.
[4] Пулемет. 1906. № 5.
[5] Более подробно о геральдической карикатуре указанного периода см. ***Борисов И.*** Двуглавый шиш // Родина. 1996. № 10. С. 50-53.
[6] Сатирикон. 1909. № 21, май.
[7] Новый Сатирикон. 1914. №38. С. 3.
[8] Там же. 1915. № 10, март.
[9] Там же. 1914. № 42.
[10] Там же. 1914. № 49.
[11] Там же. 1914. № 26; Там же. 1915. № 7; Там же. 1918. № 6.
[12] Там же. 1916. № 38, сентябрь. С. 3.
[13] Там же. 1915. № 7, обложка.
[14] Там же. 1914. № 26, обложка.
[15] Там же. 1918. № 16, июль, обложка.
[16] Будильник. 1917. № 35, октябрь.
[17] Там же. 1917. № 33.
[18] Новый Сатирикон. 1918. № 7. С. 3
[19] Там же. 1918. № 2, январь.
[20] ***Кольцов М.*** Русская сатира в 1917 году // Свободный журнал. 1918. № 3-4. С. 21.
[21] Жупел. 1917. № 12 (94).
[22] Бегемот. 1927. № 10, март. С. 9.
[23] Красный Перец. 1924. № 5. С. 3.
[24] Клещи. 1924, сентябрь.
[25] Бегемот. 1927. № 10, март. С. 12.
[26] Красный Перец. 1925. № 15, декабрь.
[27] Там же. 1924. № 25. С. 11.
[28] Красные огни. 1922. № 8, обложка.
[29] Смехач. 1926. № 43. С. 2.
[30] Красный Перец. 1924. № 8, задняя обложка.
[31] Смехач. 1925. № 23, август.
[32] Там же. 1927. № 43, ноябрь. С. 16.
[33] Там же. 1927. № 43, ноябрь. С. 16.
[34] Военный Крокодил. 1924. № 4, обложка.
[35] Там же. 1924. № 22 (102), ноябрь. С. 7.
[36] Бегемот. 1925. № 31, август. Рис. А. Радакова.
[37] Военный Крокодил. 1925. № 13-14 (23-24), июнь.
[38] Смехач. 1925. № 24, август. С. 3.
[39] Там же. 1925. № 30, октябрь. С. 5.
[40] Красный Ворон. 1923. № 7 (27), февраль. С. 11.
[41] Красный Ворон. 1923. № 6 (26), февраль. С. 10.
[42] Крокодил. 1925. № 19 (129), май. С. 11.
[43] Красный Ворон. 1923. № 15 (35), апрель.
[44] Красный Перец. 1925. № 16, апрель.
[45] Красный Ворон. 1923. № 23 (43), июнь.
[46] Бегемот. 1927. № 46, ноябрь. С. 7.
[47] Красный Слон. 1926. № 5-6, май-июнь.
[48] Красный Ворон. 1923. № 15 (35), апрель. С. 6.
[49] Там же. 1923. № 42, ноябрь.
[50] Там же. 1924. №23, июнь. С. 7.
[51] Там же. 1923. № 33, сентябрь. С. 7.
[52] Крокодил. 1937. № 6. С. 8-9.



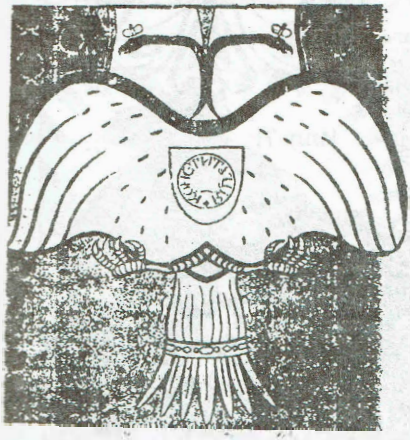
(О ДВУГЛАВОМ ОРЛЕ)

- Позвольте вас спросить:
когда вы думаете-то обеими головами?
- Когда думаю о себе, то обеими.
- Позвольте спросить: когда у вас бывает головная боль, то обе головы болят?
- Иногда обе (вместе) вдруг, а иногда и по очереди.

Илл. 1.

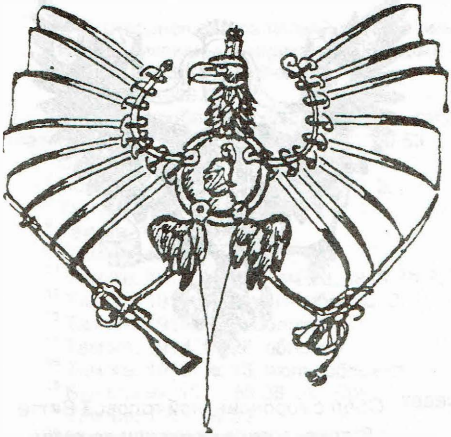
Орел с коронованной головой Витте.
В лапах у орла скипетр и держава,
на правом крыле голова
министра внутренних дел Дурново.

Илл. 3.



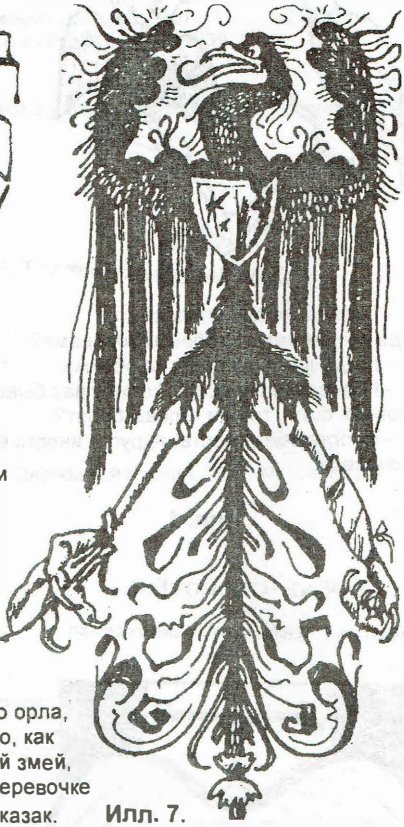
Илл. 2.

Илл. 4.



Немецкая государственная эмблема
под влиянием художественной трактовки
В. Лебедева.

Илл. 5.



Немецкого орла,
парящего, как
воздушный змей,
держит на веревочке
русский казак.

Илл. 7.

Двуглавый русский и одноглавый немецкий орлы.

Илл. 6.

Илл. 8.

АВСТРІЙСКІЙ ОРЕЛЪ
ПОССОРИЛСЯ САМЪ СЪ СОБОЮ

Русскій бѣлый медвѣдь (обкусывая Гинденбурга): - Есть-то я его могу, ничего - только одно неудобство: ордена его часто приходится выплевывать!

Илл. 9.

Илл. 10.

Илл. 11.

Илл. 12.

Волненіе и нѣмецкій флотъ.

Илл. 13.

Илл. 14.

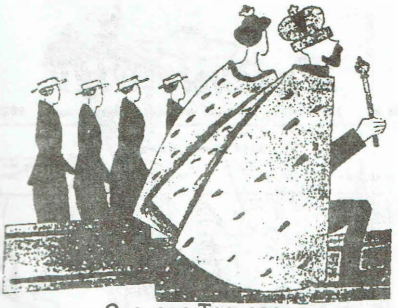
Илл. 15.

Илл. 16.

Эта репродукция взята из книги «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году». Автор карикатуры неизвестен, но он явно талантлив, ибо спустя 80 лет его работа вполне актуальна. Скольким орлам, в головном уборе и без, депутаты ВС России свернули шею! А «своего» так пока и не нашли...

Илл. 17.

КАК ЭТО БЫЛО



Сначала Торчало:
«И прочее, и прочее, и прочее»
И многодочие.

Потом пришли рабочие. И - многоточие...

Илл. 18.

Сокровища искусства и старины.

Натюр морт

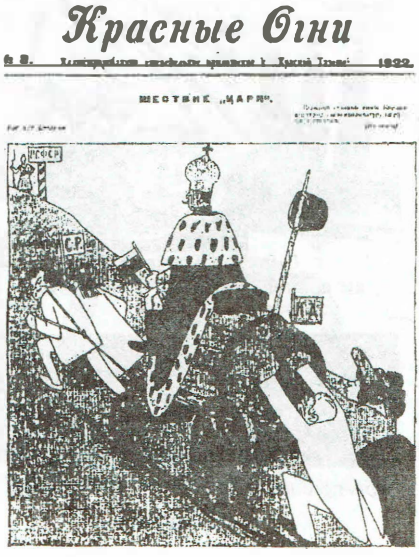
Илл. 19.

Илл. 20.

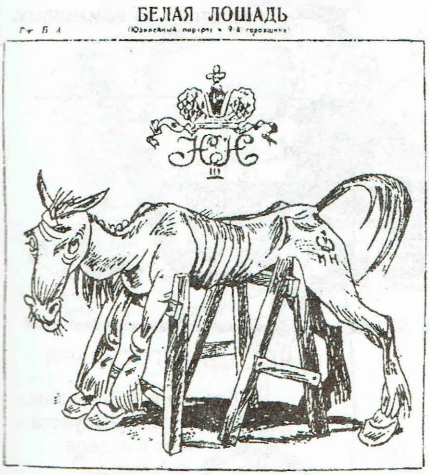
Был трон... Был длинный хвост царей,
Был кнут зажат в руке жестокой...
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой!..

Илл. 21.

Илл. 22.

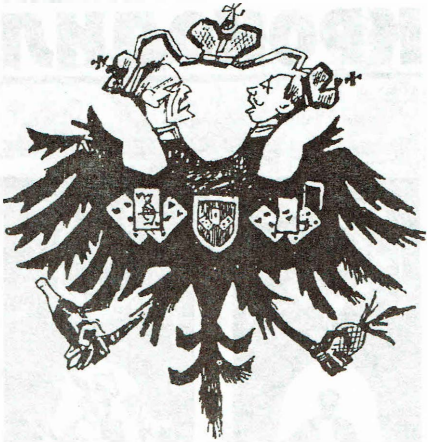


Илл. 23.



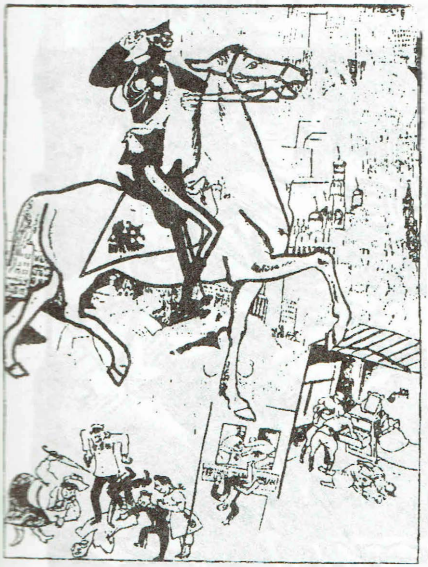
БЫЛ КОНЬ, ДА ИЗЪЕЗДИЛСЯ.

Илл. 24.



«МИР ДОМУ СЕМУ»
Роман(овы) в 2-х главах

Илл. 26.



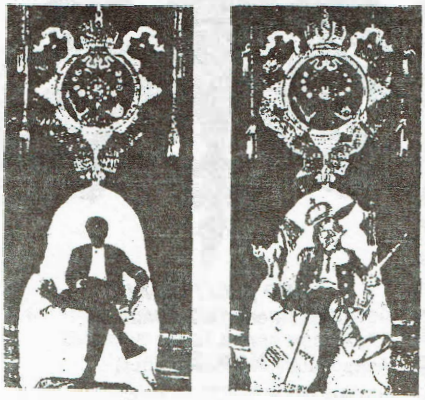
Что было бы, если бы...

Илл. 25.

Илл. 27.

ВОЕННЫЙ КРОКОДИЛ

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.



Илл. 28.

Илл. 29.

Илл. 30. Муж: - Это что такое! Что я вижу!..
Жена: - Милый, право-же я не виновата... ты сам мне купил платье императрицы, ну и пришлось завести Распутина... для стиля.

В хозяйстве все пригодится

- Главное, обед хороший, а из какой дряни его есть приходится!..

ХАЛАТ-ХАЛАТ

Илл. 31.

Главнаука приступила к распродаже вещей Зимнего Дворца.
Претенденты на престол.

Илл. 32.

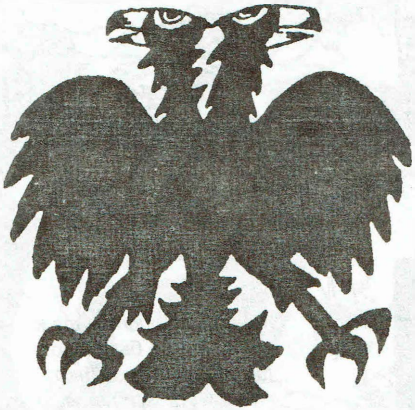
Главнаука приступила к распродаже бывшего царского имущества: платьев, мундиров, ливрей, ковров, посуды, белья и проч.

Илл. 33.

«На здании Центральной телеграфной конторы (ул. Союза Связи, 15) до сих пор красуется двуглавый орел...». 1923 г.

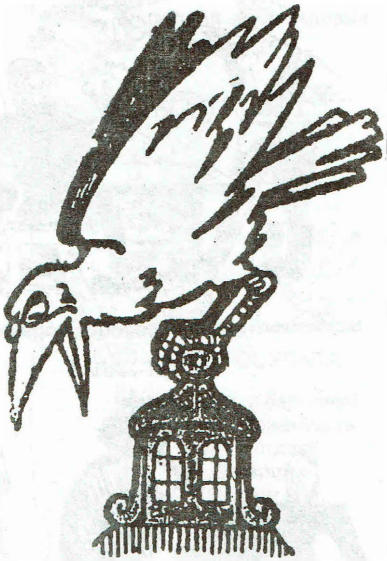
Илл. 34.

ИСКОПАЕМОЕ



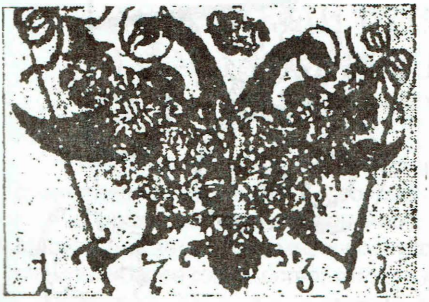
Двуглавый орел на аптекарской печати и рецептах Большой Тверской аптеки. 1925 г.

Илл. 37.



«По сие время на крыше б. Зимнего Дворца, а ныне пролетарского Дворца Искусств, все еще висит большой орел с ксроной. Неужели за 5 лет нельзя было убрать эту растрепанную черную курицу?
А ну-ка, Красный Ворон, слетай туда и сбрось ее вниз!»

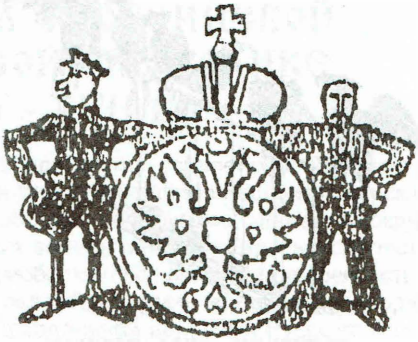
Илл. 35-36.



Задача для малолетних завхозов

У одного двуглавого орла, что до сих пор красуется на фасаде Горного Института, две головы, а у завхоза Института, видимо, ни одной.
Вопрос: сколько еще «умников» имеется в Ленинграде?
1923 г.

Илл. 38.

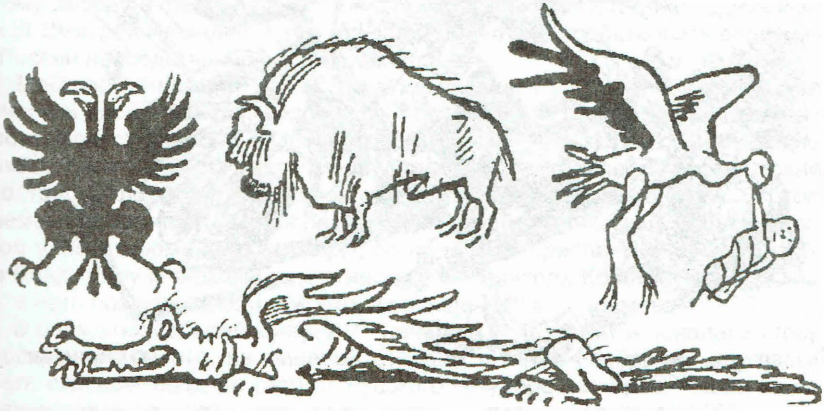


ЧЕМ БЫ ДИТЯ НЕ ТЕШИЛОСЬ

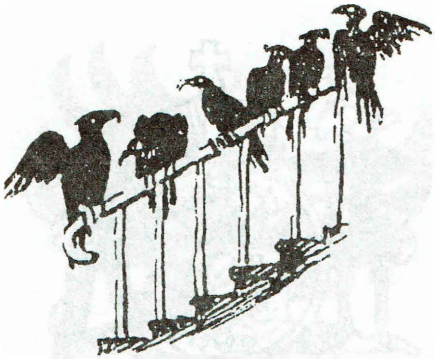
«Есть у нас в школе старший ветеринарный врач Селезнев и командир 4-го эскадрона Бураченко, которые до сих пор щеголяют с царскими гербами и коронами на груди...»

Илл. 40.

ВЫМИРАЮЩИЕ И ВЫМЕРШИЕ ЖИВОТНЫЕ



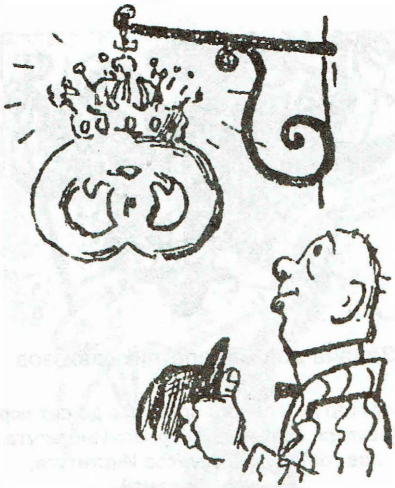
Орел. Гидра. Зубр. Аист.
Илл. 39.



УДИВЛЕНИЕ «КРАС. ВОРОНА»

«На фабрике одежды им. тов. Домбаля (ул. Желябова, 29/23), до сих пор главный вход и перила 2 этажа украшены 8 орлами».

Илл. 41.



КРЕНДЕЛЬ

Илл. 42.

Илл. 43.